

Трибуна молодого учёного: инструментарий исследователя

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.667

«Мягкая сила» глазами зарубежных аналитиков: к операционализации концепта

Ссылка для цитирования: Андреев И. А. «Мягкая сила» глазами зарубежных аналитиков: к операционализации концепта // Вестник Института социологии. 2020. Том 11 № 3. С. 143–154. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.667
For citation: Andreev I. A. "Soft power" as perceived by foreign analysts: moving towards operationalizing the concept. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 143–154. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.667

**Андреев
Иван Андреевич**

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россия

v-andreev_07@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: [1034971](#)

Аннотация. Статья посвящена проблеме операционализации концепта «мягкая сила», введённого в дискурсы социальных наук и практической политики американским политическим аналитиком Дж. Наем. Основные аспекты данной проблемы рассматриваются на примере широко популяризируемых и имеющих вследствие этого немалый политический резонанс исследований, выполненных британским PR-агентством Portland Communications, известным ежегодно публикуемыми им рейтингами «мягкой силы» ведущих государств мира (Top-30 Soft Power) и аналитическими докладами на эту тему. Предложенная этим агентством методология является по сути дела первой серьёзной попыткой операционализации понятия «мягкая сила». В представленной статье подробно раскрываются особенности этой методологии. Автор описывает, каким образом она построена, даёт развёрнутую характеристику используемых в ней индикаторов и субиндикаторов, показывает, как именно применяется она в исследовательской практике.

Исходя из проделанного анализа выявляются как сильные, так и слабые стороны разработанной специалистами агентства Portland Communications операционализации. Отмечается, в частности, известная произвольность в отборе показателей, в определении их значимости и степени вклада в итоговый результат. В то же время автор обращает внимание на идеологизированный характер методологии, используемой в странах Запада для составления рейтингов «мягкой силы». Характерной особенностью этих рейтингов является выдвигание на первый план параметров, по которым страны Запада, и в особенности США и Великобритания, набирают наибольшее количество условных баллов. В то же время не получили адекватного отражения некоторые важные формы проявления мягкой силы, которыми ни США, ни Западная Европа в настоящее время не обладают (например, полностью обойдены вопросы, связанные с политическим влиянием религиозных идей и ценностей). В результате зафиксированные на основе рассматриваемой методологии тенденции

в целом ряде случаев выглядят как достаточно спорные.

В статье обосновывается также необходимость разработки новых методик описания и оценки мягкой силы, более полно и объективно учитывающих политический опыт незападного мира, включая Россию.

Ключевые слова: политическое влияние, политические симпатии, мягкая сила, операционализация, методология, рейтинг, индикаторы, культура, качество управления, цифровизация

В современных условиях всё более важным и эффективным инструментом политического влияния государств становится так называемая «мягкая сила». Американский государственный деятель и политический аналитик Дж. Най, который ввёл в обращение это понятие и первым дал ему развёрнутое теоретическое обоснование, определял «мягкую силу» как силу обаяния, способность институциональных политических субъектов добиваться своего, воздействуя на других не угрозами или обещанием каких-либо выгод, а своим привлекательным имиджем и репутацией. В этом плане «мягкая сила», как понимал её Най, сродни соблазнению: партнёр в какой-то мере идентифицирует себя с вами и идёт вам навстречу просто потому, что вы ему нравитесь, и ему очень хотелось бы сохранить ваше расположение [Най 2006].

Примеры такого рода хорошо знакомы нам по повседневным человеческим отношениям, но их, как показал Най, можно найти и в политике. Однако, если в личных отношениях неотразимость обаяния чаще всего проявляется на уровне не поддающихся анализу безотчётных ощущений, то для политики, рассматривающей эти качества как инструмент для достижения тех или иных целей, интуитивных ощущений совершенно недостаточно. Здесь руководствуются не столько чувствами, сколько расчётами, для реализации которых нужно совершенно конкретно понимать, в чём именно состоит и в чём вообще может состоять мягкая сила, как соотносятся между собой её составляющие, каковы механизмы её воздействия и вытекающие из этого способы её применения. Поскольку же обладание мягкой силой является очевидным конкурентным преимуществом государств (равно как и межгосударственных объединений интегративного типа), возникает также потребность в измерении данного фактора и сравнениях, использующих термины «больше» и «меньше». Иначе говоря, возникает практически ориентированный запрос на разработку матрицы эмпирически фиксируемых индикаторов, позволяющих осуществить *операционализацию* понятия «мягкая сила».

В настоящее время в этом направлении в той или иной степени работают несколько зарубежных исследовательских и консультативных центров, среди которых наиболее известным и авторитетным является британское PR-агентство Portland Communications, разработавшее схему прямой операционализации концепта «мягкая сила», строго следуя тому,

как оно определяется в работах Дж. Ная. Последний, как известно, описывал мягкую силу как внутренне дифференцированную структуру, состоящую из своего рода «блоков»: имидж данного государства и его международная репутация (особенно важны, в частности, выдвижение значимых для всего международного сообщества инициатив, экономическая, технологическая и кадровая помощь другим странам, оказание так называемых «дружеских услуг», участие в миротворческой деятельности ООН, противодействие агрессии и акциям геноцида и т. п.), провозглашаемые и отстаиваемые данным государством ценности, его интеллектуальные достижения (в науке, технологиях, здравоохранении, культуре, образовании и т. п.). Не последнюю роль играет также способность устанавливать привлекательную или, во всяком случае, приемлемую для других «повестку дня», формулировать и продвигать признаваемые всеми или большинством коллективные цели.

В соответствии с этим аналитики из Portland Communications оценивают уровень «мягкой силы» по нескольким интегральным направлениям, которые они называют субиндексами, но которые мы, в соответствии с особенностями русского терминологического словотворчества, предложили бы называть *сферами проявления мягкой силы*. Шесть из них рассматриваются экспертами Portland как объективные. В их числе цифровизация, степень развития деловой активности и удобство ведения бизнеса, культура, образование, качество управления, а также «вовлечённость» (engagement), под которой понимается плотность международных контактов данной страны, степень её участия в международных организациях, а также в разного рода значимых международных инициативах. Эти своего рода «характерологические домены» в свою очередь описываются через ряд конкретизирующих индикаторов, каждый из которых уже непосредственно соотносится с определёнными эмпирическими данными. Например, для сферы культуры это общее количество прибывающих в страну туристов, количество фильмов данной страны, демонстрировавшихся на крупных кинофестивалях, объём музыкального рынка страны, количество имеющихся на её территории объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, количество завоёванных её спортсменами олимпийских медалей (за определённый период), место данной страны в рейтинге ФИФА, количество ресторанов, отмеченных звездой рейтинга Мишлен, качество национального авиаперевозчика, так называемый индекс силы языка (PLI) и т. п. Применительно к сфере образования учитываются доля населения, обучающегося в вузах; наличие в стране ведущих мировых университетов (из списка 200 лучших по версии Times Higher Education); количество обучающихся в данной стране иностранных студентов; количество статей, опубликованных в ведущих научных журналах; процент ВВП, выделяемый данной страной на финансирование образования; средний балл её школьников по тестам PISA (естествознание, математика, чтение) и др. Очень любопытным нам представляется набор параметров, из которых складывается комплексная оценка уровня цифровизации: здесь, к примеру, учитывается не только количество интер-

нет-пользователей (в расчёте на 100 жителей) или интернет-серверов (на 1 млн чел.), но и число фолловеров Фейсбука для главы данного государства, и рейтинг Фейсбука для главы государства и правительства за пределами данной страны. Подсчёт значений таких индикаторов в большинстве своём не требует ни особой изобретательности, ни специально спланированных исследований: зачастую здесь просто в несколько ином контексте используются некоторые широко распространённые и хорошо известные базы данных, статистические сводки и отчёты, официальные пресс-релизы и другие информативные материалы.

Что касается субъективного измерения мягкой силы, то оно представляет собой обобщённый результат тематизированных социологических опросов, выявляющих представления населения различных стран мира о других странах. Содержательно в ходе этих опросов выяснялось восприятие различных стран по семи основным факторам: благожелательность по отношению к иностранным туристам; доверие к проводимой данной страной международной политике; желание жить, учиться или работать в данной стране; оценка её вклада в глобальную культуру; оценка кухни, предлагаемой данной страной; оценка технологичности производимых этой страной товаров; привлекательность предлагаемых ею «люксовых» брэндов. По всем этим параметрам респонденты должны были давать количественную оценку в баллах по шкале от 0 до 10, где 10 означало высшую степень одобрения. Такие опросы проводились по единой методике сначала в 20-ти, а с 2016 г. в 25 странах, представляющих в совокупности все мировые регионы – Европу/Евразию, Северную и Южную Америку, Южную, Юго-Восточную и Восточную Азию, Ближний и Средний Восток, Африку, а также Австралию (Австралазию). В последние годы в большинстве стран опрашивалось по 500, в отдельных случаях (Египет, Нигерия, ОАЭ, Швеция, Вьетнам) по 250 человек, что составляет в совокупности 10500 – 11000 респондентов. Как утверждают сами исследователи, выборки по каждой стране репрезентативны по полу, возрасту и региону [The Soft Power... 2019].

Следует, однако, заметить, что чёткое разделение на «объективные» и «субъективные» факторы в исследованиях Portland Communications не во всём выдерживается. Например, как уже отмечалось выше, для суммарной оценки такого объективного в основе своей показателя, как качество управления, учитывается публикуемый ООН так называемый Мировой индекс счастья (World Happiness Index), представляющий собой свод весьма субъективных оценок, основанных на самооощении людей, принадлежащих к разным культурам, живущих в очень разных условиях и имеющих весьма разные потребности.

Как ясно видно из только что сказанного, исходный эмпирический материал, на базе которого предлагается выводить итоговые оценки мягкой силы, чрезвычайно разнороден и к тому же выражен в единицах, которые невозможно непосредственно приравнять друг к другу: как в самом деле соотнести по значимости и вкладу в формирование мягкой силы количество дипломатических представительств и процент

ВВП, выделяемый на финансирование образования, уровень доверия к политике того или иного государства (который к тому же от страны к стране сильно варьируется) со вкусовыми ощущениями от блюд национальной кухни или количеством компьютеров и посещений интернета в расчёте на 1000 человек населения? Задача сведения всех этих показателей к некой итоговой результирующей далеко не тривиальна, и её решение допускает ту или иную меру условности. В данном случае она решается посредством выражения значений всех индикаторов и субиндикаторов в условных баллах. При этом количество баллов в каждой обобщённой номинации («культура», «образование», «цифровизация» и т. д.) для удобства сравнения приведено к 100.

Каково же влияние каждой из этих номинаций на суммарную величину мягкой силы государства? Как уверяют работающие с рейтингами мягкой силы британские аналитики, его можно приблизительно рассчитать на основании многолетних наблюдений. Так, среди объективных (на самом деле, как мы уже отмечали выше, – условно объективных) факторов наибольший вклад в итоговый результат вносит качество управления (почти 21%), а наименьший – показатели, связанные с культурой и культурной жизнью (чуть более 12,5%). Симметричную этому картину мы наблюдаем и в поле субъективных оценок мягкой силы: на первое место здесь выходит характер международной политики (её вклад составляет 26%), а наименьшее – вклад данной страны в глобальную культуру (около 6,5%). Впрочем, такие субиндикаторы, как технологичность продукции и качество «люксовых» товаров, совсем незначительно превосходят эту довольно скромную цифру. Удивительно, кстати, что, по мнению специалистов Portland, при этом они даже несколько уступают такому весьма специфическому показателю, как кулинарные достижения страны, привлекательность предлагаемой ею кухни и качество ресторанной сети (оценивается по известному «красному гиду» Мишлена).

Спорить по поводу адекватности всех этих изложенных выше выкладок и расчётов контрпродуктивно, поскольку трудно представить себе какой-либо, не вызывающий никаких возражений, способ подтверждения их основательности. Очевидно, что объективность многих заявляемых аналитиками Portland в качестве объективных субиндикаторов является при ближайшем рассмотрении всего лишь превращённой формой субъективности. И в этом проявляется идеологизированный характер концепта «мягкой силы», который в той интерпретации, которую разрабатывал Дж. Най, отражает не только универсальные параметры и методы «мягкого» влияния, которые подходят всем политическим субъектам, но и специфический политический опыт США и Запада в целом. Поскольку иных сколько-нибудь детально разработанных подходов к измерению мягкой силы пока нет, приходится просто принимать предлагаемые разработчиками данной методики результаты как некую основу для анализа. Но при этом стоило бы задуматься над разработкой альтернативных и прежде всего более объективных методик.

На протяжении вот уже нескольких лет британское агентство публикует рейтинговый список из 30 стран, обладающих, по его подсчётам, наибольшей суммарной величиной «мягкой силы». В первой его десятке неизменно и ожидаемо выступают страны Запада, хотя распределение мест среди них меняется. В 2019 г. высшую позицию в рейтинге заняла Франция. Положение же США в последнее время ухудшалось, и ныне считающая себя единственной и исключительной сверхдержава заняла только 5-е место, пропустив вперёд, помимо Франции, ещё и Великобританию, Германию, Швецию. Вполне предсказуемое объяснение со стороны аналитиков Portland – эта негативная динамика вызвана непредсказуемой и обескураживающей внешней политикой Дж. Трампа.

Начиная с 2015 г. в Top-30 Soft Power входит и Россия; правда, показатели нашей страны по данной версии год от года снижались, и в 2019 г. она заняла здесь последнее, 30-е место. По результатам предыдущего исследования его занимала Аргентина, но в 2019 г. эта страна в рейтинговый список вообще не вошла. Впереди России в рейтинге выступают не только страны Запада или, к примеру, Япония, но и такие «азиатские тигры», как Китай, Южная Корея, Сингапур и Турция, а также растущий южноамериканский гигант – Бразилия. Уступаем мы и некоторым бывшим союзникам из Восточной Европы – Польше, Чехии и Венгрии. Впрочем, этой последней мы проиграли каких-то 2 балла, а от занявшей 29-е место Турции нас отделяет и вовсе менее 1 балла.

Учитывая возрастающее геэкономическое и геополитическое значение Азии, в особенности Азиатско-Тихоокеанского региона, выступающего ныне в качестве главного драйвера мирового развития, аналитики Portland с 2019 г. стали ранжировать мягкую силу расположенных здесь стран, размещая их в особом рейтинговом списке – The Asia Soft Power 10. «Высшая лига» азиатских стран по версии Portland выглядит следующим образом: Япония, Южная Корея, Сингапур, Китай (все эти страны входят также и в мировой рейтинг), Тайвань, Таиланд, Малайзия, Индия, Индонезия, Филиппины. Как видим, здесь нет нашего старого протеза – Вьетнама, хотя эта страна в последние годы весьма успешно развивалась и заработала немало очков на международном туризме. Несколько обескураживает также результат Индии, которая в последние несколько лет уделяла наращиванию мягкой силы особое внимание: мы имеем в виду предложенные и осуществлённые индийскими креативными специалистами из Национального Института преобразования Индии (NITI) успешные презентационно-маркетинговые инициативы, направленные на популяризацию образа Индии, усиление её инвестиционной привлекательности и привлечение в страну туристов («Делай в Индии», «Невероятная Индия», «Страна, принадлежащая Богу» (“God’s Own Country”) и др. [Емельянова 2015].

Несомненно, рейтинги Portland, являющиеся результатом весьма сложного и кропотливого труда нескольких десятков высококлассных специалистов, заслуживают пристального внимания и могут быть

поводом для размышлений. Многие их выводы уже на интуитивном уровне воспринимаются как достаточно обоснованные: вряд ли, к примеру, кому-то придёт в голову спорить с тем, что жизнь в Норвегии или Швейцарии спокойнее, чем в России, а уровень благосостояния населения этих стран значительно выше. Тем не менее некоторые существенные аспекты проводимых британским агентством исследований вызывают вопросы, сомнения и возражения. Так, согласно выводам Portland Communications, Россия значительно опережает такие страны, как Польша и Португалия, практически по всем объективным показателям, кроме качества управления и (незначительно) условий ведения бизнеса, но однако в общем итоговом рейтинге отстаёт от этих стран в одном случае на 7, а в другом на 8 позиций [The Soft Power 30... 2019].

Впрочем, сомнения относятся не только к оценкам нашей страны (приходится даже удивляться, как ей удаётся удерживаться в Top-30 Soft Power, несмотря на развёрнутую против неё пропагандистскую кампанию, в которой задействованы едва ли не все западные медиаресурсы глобального уровня), но и ко многим фаворитам рейтинга – ведущим странам Запада. Например, США в 2019 г. по сравнению с предыдущим годом сохранили практически все свои позиции, за исключением рейтинга в номинации «управление», но здесь они опустили сразу на 5 ступенек – с 16 на 21 место, в результате чего и в итоговом рейтинге страна опустилась на не очень-то престижное для сверхдержавы 5-е место. Немедленно возникает вопрос: что же могло так уж радикально измениться в американской политической и административной системе за один лишь год, хотя благодаря отлаженному десятилетиями балансу сдержек и противовесов эта система всегда отличалась очень большой устойчивостью? А вот Франция, где ситуация в сфере управления в 2019 г. отнюдь не была благополучной (вспомним хотя бы о выступлениях «жёлтых жилетов»), вдруг вырвалась на первое место в рейтинге, и это притом, что практически по всем показателям, объективно характеризующим конкурентоспособность страны и её инновационный потенциал (цифровизация, образование, условия ведения бизнеса), родина Декарта, Паскаля и Вольтера сильно уступает не только США, но и целому ряду других стран... Невольно зарождается мысль: а не стоит ли за этими перестановками подспудное стремление хотя бы косвенно скомпрометировать Трампа и продвинуть на место лидера «западных демократий» французского президента Макрона?

Очевидно, что на методики ранжирования стран по уровню «мягкой силы» влияет определённая «идеологическая оптика». В рассматриваемом нами случае это, разумеется, так называемые «западные ценности». Так, при выборе показателей для сравнительных оценок аналитики Portland совершенно обходят такие темы, как демография (в том числе желание иметь детей), уровень социальной автономии и социальной значимости семьи (включая право родителей определять подход к воспитанию детей), миграция, способность общества поддерживать оптимальный для него этнокультурный баланс и т. п. У нас,

разумеется, нет возражений против учёта в рейтинге результатов тестирования по международной программе PISA. Однако почему бы наряду с этим не учитывать и достижения школьников на международных олимпиадах по математике, физике, биологии и программированию? Можно представить себе, что, если бы награды, полученные на таких соревнованиях, учитывались, многие страны Западной Европы потеряли бы на этом немало баллов и, возможно, отодвинулись бы на более скромное место в рейтинге.

В своё время некоторые российские политологи весьма основательно критиковали Дж. Ная за то, что в его концепции с самого начала была размыта диалектика возможного и действительного (осуществившегося), так что *реальная* мягкая сила у него подчас неявно подменялась тем, что точнее всего следовало бы определить как *ресурсы* мягкой силы [Юдин 2013]. А ведь с точки зрения логики использования понятия «мягкая сила», решающее значение имеет не само по себе качество управления или образования в той или иной стране, а способность претворить потенциальные преимущества в управлении или образовании в реально ощутимые «политические импульсы». Нам представляется, что такого рода возражения в значительной мере относятся и к разработанной на базе работ Дж. Ная методике операционализации концепта «мягкая сила». Нельзя, конечно, не согласиться с ними в том, что страна, обладающая таким музеем, как Лувр, или таким оперным театром, как Ла Скала, уже благодаря одному этому получает некие дополнительные возможности в плане формирования привлекательного имиджа. Но в какой мере это конвертируется в *реальное политическое влияние* Франции и Италии (в чём, собственно, и состоит суть и назначение мягкой силы)? Вопрос этот далеко не тривиален, и ответ на него из докладов Portland вывести затруднительно. По сути дела, писавшие эти доклады аналитики просто-напросто имплицитно предполагают, что такие замечательные источники эстетического наслаждения никак не могут не вызвать расположения к Франции *как государству*. Но так ли это на самом деле? Кто и как зафиксировал такую связь эмпирически? Интересно, что сказал бы по этому поводу тот же Реджеп Эрдоган, не так давно подписавший указ о превращении великолепного комплекса Св. Софии из музея в мечеть? Мы, исходя из этого последнего примера, предположили бы нечто другое: а именно то, что великие святыни (не только ислама), если брать их как факторы политического влияния, способны действовать куда как эффективнее самых замечательных музеев и памятников культуры (что, разумеется, вовсе не говорит о неспособности приверженцев той или иной религии любить и ценить прекрасное).

Однако же в рассмотренных нами методиках, которые использует Portland, тема политической значимости религиозных ценностей совершенно игнорируется. Наверное, это соответствует умонастроениям либеральной постхристианской Европы, где секуляризация со времён Просвещения привычно воспринимается как обязательный признак про-

гресса. Но современный мир с некоторых пор двинулся в ином направлении. Связь между секуляризацией и модернизацией если и не разорвана, то сильно ослабевает, а между тем религия как явление социальной жизни, похоже, вновь выходит в публичную сферу и возвращается на авансцену истории, демонстрируя при этом незаурядную способность к смене форм и содержательным трансформациям. Возрождаются и усиливают свои позиции традиционные верования (всем известно, например, о мощной экспансии ислама), но наряду с этим возникают новые религиозные и квазирелигиозные синтезы [Руткевич 2017]. В ходе этого процесса появляются и новые центры, новые факторы духовного притяжения, которые совершенно естественно было бы учитывать в контексте проблематики мягкой силы, в том числе и в плане количественных оценок и сопоставлений. Если же этого не делать, то вся картина распределения потенциалов мягкой силы в современном мире получатся далеко не полной и несколько искаженной.

Надо заметить, что рейтинги Portland Communications, при всей своей эвристической полезности, всё же чем-то напоминают пресловутую «среднюю температуру по больнице». Они, конечно, подталкивают глобальных игроков к саморефлексии, включая осознание своих слабостей и недостатков; но в то же время они фактически непригодны для непосредственного использования в практической политике (если, естественно, отделить её от тесно с нею связанных пропаганды и пиара). Ведь «среднемировой» рейтинг ничего не говорит о взаимоотношениях конкретных субъектов мировой политики: так, например, Япония в целом весьма популярная страна, но население КНР – её могущественного и притом ближайшего соседа, а также крупнейшего экономического партнёра – воспринимает её довольно негативно, что на практике может иметь куда более важные последствия, чем абстрактная симпатия со стороны жителей далёкого Гондураса или не менее далёкой Португалии. Впрочем, немалое значение имеет и обратное – то, что среди японских граждан Китая симпатизируют не более 14%, тогда как 85% воспринимают своего соседа весьма недоброжелательно [Pew 2019].

Как видим, в практической политике, по-видимому, полезнее не столько скрупулёзно операционализированные исследования, сколько более простые, не выходящие за пределы «общих впечатлений», но зато охватывающие большее число «точек зондирования» и дифференцированные по странам (а внутри стран – по социальным группам и поколениям). Такие как, например, проводимые известным американским «резервуаром фактов» (fact-tank) Pew Research Center международные опросы, выявляющие общий уровень симпатий к основным геополитическим игрокам в различных странах мира. Актуальной задачей становится разработка российскими учёными собственных методик изучения феномена «мягкой силы». Прежде всего основанные на таких методиках исследования необходимы для того, чтобы научиться лучше понимать как свои собственные сильные и слабые стороны, так и других геополитических игроков. Это поможет нам, нашей политической элите

(в мышление которой – что греха таить – глубоко заложены западные идеологемы, которых она нередко просто не замечает) избегать бездумного копирования неподходящих нам моделей и более пристально концентрироваться на собственных ресурсах, за счёт чего проводить более грамотную политику в сфере международного влияния. Кроме того, демонстрация нашей страной самобытной и эффективной стратегии «мягкого» политического влияния позволит нашим геополитическим оппонентам трезвее оценить свои и наши силы, что, возможно, удержит их властные элиты от продиктованных идеологическим самообманом непродуманных и опасных решений. И здесь, как нам кажется, определённую перспективу имеет дальнейшее углубление и развитие в международном масштабе тех сравнительных исследований, которые проводились в Институте социологии ФНИСЦ РАН [Российское общество... 2017], в том числе на основе методик реконструкции «семантического наполнения» складывающихся в массовом сознании образов различных стран [Андреев, Лашук 2019]. Правда, с сожалением приходится констатировать, что в силу нарастающей бюрократизации системы научных исследований в России и избыточной цифровизации процесса экспертизы финансирование такого рода исследований сильно затруднено и, на наш взгляд, выглядит проблематичным.

Библиографический список

Андреев А. Л., Лашук И. В. 2019. Студенческая молодежь России и Белоруссии: картины мира, ценностные установки, стратегии самореализации. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. Т. 7. № 2 (26). С. 34–45.

Емельянова Н. Н. 2015. Перспективы «гибкой власти» в Азии (на примере Китая и Индии) // Власть. № 6. С. 186–191.

Най Дж. С. 2006. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды». 221 с.

Российское общество и вызовы времени. Кн. 5. М.: Весь мир, 2017. 416 с.

Руткевич Е. Д. 2017. Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии // Вестник Института социологии РАН. Т. 8. № 1. С. 132–161.

Юдин Н. В. 2013. Жесткий взгляд на «мягкую силу»: критический анализ монографии Дж. Най «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Сер. 25 «Международные отношения и мировая политика». № 4. С. 134–163.

The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. 2019 // Portland Communications. URL: <https://softpower30.com/> (Дата посещения: 10.11.2019).

Pew Research Center. Global Attitudes and Trends. 2019 // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/global/> (Дата посещения: 10.11.2019).

Статья поступила: 28.01.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андреев Иван Андреевич, ассистент кафедры философии, политологии и социологии. Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.667

“Soft Power” as Perceived by Foreign Analysts: Moving Towards Operationalizing the Concept

Ivan A. Andreev

National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, Russia

E-mail: v-andreev_07@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0765-3667

For citation: Andreev I. A. “Soft power” as perceived by foreign analysts: moving towards operationalizing the concept. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 143–154. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.667

Abstract. This article is dedicated to the issue of operationalizing the concept of “soft power”, which was introduced into the discourses of social sciences and practical politics by American political analyst Joseph Nye. The main aspects of the issue are examined on the example of the widely popularized, and consequently bearing considerable political resonance, studies carried out by the British PR-agency Portland Communications, which is known for annually publishing “soft power” ratings of the world’s leading countries (the Top-30 Soft Power list), as well as analytical reports on the topic. The methodology proposed by said agency can basically be considered the first ever serious attempt at operationalizing the term “soft power”. This article comprehensively reveals the specifics of their methodology. The author describes how exactly it is constructed, while providing a detailed characterization of the indicators and sub-indicators it uses, and while showing how exactly it is used in actual research.

Based on the conducted analysis, both the strong and weak points of the operationalization developed by Portland Communications are determined. In particular, the article highlights the well-known randomness when it comes to choosing indexes, defining their significance and the degree of their contribution to the end result. At the same time, the author points out the ideological nature of the methodology used by western countries to put together their “soft power” ratings. A defining characteristic of these ratings is putting emphasis on such parameters that would give western countries, especially the USA and Great Britain, the opportunity to garner the most points. Meanwhile certain vital forms of exercising soft power were not adequately represented, namely those which are not currently possessed by the US or Western Europe (for example, issues associated with the political influence of religious ideas and values were completely neglected). As a result, the trends identified based on the methodology in question appear to be rather questionable in many cases.

The article also substantiates the need for developing new methods of describing and evaluating soft power, which would provide a more comprehensive and objective representation of the political experience of countries not belonging to the western world, including Russia.

Keywords: political influence, political sympathies, soft power, operationalization, methodology, rating, indicators, culture, quality of management, digitalization

References

Andreev A.L., Lashuk I.V. Student Youth of Russia and Belarus: Pictures of the World, Value Orientations, Strategies for Self-realization. Part 2. *Sociologicheskaya nauka i socialnaja praktika* = Sociological Science and Social Practice, 2019: vol. 7: 2 (26): 34–45 (In Russ.).

Emelianova N.N. Prospects of “flexible power” in Asia (on the example of China and India). *Vlast = Power*, 2015: 6: 186–191 (In Russ.).

Nay D.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Novosibirsk: Trendy, 2006: 221 (In Russ.).

Russian Society and Challenges of the Time. Vol. 5. Moscow, Ves' Mir, 2017: 416 (In Russ.).

Rutkevich E.D. Religion in the Global Space: Approaches, Definitions, Problems in Western Sociology. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2017: vol. 8: 1: 132–161 (In Russ.).

The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. 2019 // Portland Communications. URL: <https://softpower30.com/> (Дата посещения: 10.11.2019).

Pew Research Center. Global Attitudes and Trends. 2019 // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/global/> (Дата посещения: 10.11.2019).

Yudin N.V. A hard look at “soft power”: a critical analysis of the J. Nye’s monograph “Future of power”. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 25 Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika = Bulletin of the Moscow University. Ser. 25 International Relations and Global Policy*, 2013: 4: 134–163 (In Russ.).

The article was submitted on January 28. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andreev Ivan Andreevich, Assistant Professor, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, Russia